

4. Отмечу следующие две особенности мышления Сахарова. Не уверен, что это можно подвести под категорию «метод». Впрочем, кто знает, может когда-нибудь таким вещам научатся обучать и появятся миллионы Сахаровых, Эйнштейнов... Странная картина. Такое будущее действительно не определено.

Первую особенность можно, следуя терминологии восточной философии, обозначить словом «целостность». Целостность мышления, понимание проблемы во всей ее сложности, со всеми деталями, а главное — в динамике. Сразу пространственно-временная картина вместе с ожидаемым ответом в конце. В общественной деятельности это проявлялось ничуть не меньше, чем в научной.

Вторая особенность — подходить к проблеме, так сказать, с нуля. При таком подходе возможны, конечно, и повторы. Но в целом это нечто совершенно особое. Вот как говорил о Сахарове в 1965 г. Игорь Евгеньевич Тамм: «У него есть прекрасное свойство. К любому явлению он подходит заново, даже если оно было двадцать раз исследовано и природа его двадцать раз установлена. Сахаров рассматривает все, как если бы перед ним был чистый лист бумаги, и, благодаря этому, делает поразительные открытия» (цит. по [2, изд. 1991 г., с. 114]).

5. Заканчивая в августе 1989 г. свою вторую книгу воспоминаний, на ее последней странице Андрей Дмитриевич написал: «Конечно, окончание работы над книгой создает ощущение рубежа, итога. „Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?“ (А. С. Пушкин). И в то же время — ощущение мощного потока жизни, который начался до нас и будет продолжаться после нас. *Это чудо науки*. Хотя я и не верю в возможность скорого создания (или создания вообще?) всеобъемлющей теории, но я вижу гигантские, фантастические достижения на протяжении даже только моей жизни и жду, что этот поток не иссякнет, а наоборот, будет шириться и ветвиться...» [15, с. 220].

Список литературы

1. Altshuler B. L. Scientific method of A. D. Sakharov // Sakharov memorial lectures in Physics / Eds. L. Keldysh, V. Fainberg. N. Y., 1992. Vol. I. P. 3—15.
2. Сахаровский сборник / Сост. А. П. Бабеньшев, Р. Б. Лерт, Е. И. Печуро. Нью-Йорк, 1981; М., 1991.
3. Головин И. Н. И. В. Курчатов. М., 1967; 2-е изд. 1972.
4. Sakharov A. D. Collected Scientific Works / Eds. D. ter Haar, D. V. Chudnovsky, G. V. Chudnovsky. N. Y.; Basel, 1982.
5. Сахаров А. Д. Многолистные модели Вселенной // ЖЭТФ. 1982. Т. 83. Вып. 4 (10). С. 1233—1240.
6. Сахаров А. Д. Космологические переходы с изменением сигнатуры метрики // ЖЭТФ. 1984. Т. 87. Вып. 2 (8). С. 375—383.
7. Сахаров А. Д. Испарение черных мини-дыр и физика высоких энергий // Письма в ЖЭТФ. 1986. Т. 44. Вып. 6. С. 295—298.
8. Sakharov A. D. Baryon asymmetry of the Universe // Proc. of the Friedmann Centenary Conference. Leningrad, 22—26 June, 1988 / Eds. M. A. Markov, V. A. Berezin, V. F. Mukhanov. Singapor, New Jersey, London, Hong Kong, 1989. P. 65—80.
9. Сахаров А. Д. Научные труды / Сост. Б. Л. Альтшулер, Л. В. Келдыш, А. Д. Киржниц, В. И. Ритус. ФИАН (готовится к печати).
10. Далитц Р. Г. Кандидатская диссертация А. Д. Сахарова // УФН. 1991. Т. 161. Вып. 5. С. 121—136.
11. Andrei Sakharov. Facets of a life / Eds. B. L. Altshuler, B. M. Bolotovskiy, I. M. Dremin, L. V. Keldysh, V. Ya. Fainberg. P., 1991.
12. А. Д. Сахаров / Сост. И. Н. Арутюнян, Н. Д. Морозова. М., 1991.
13. Андрей Сахаров. Pro et Contra / Ред.-сост. Е. Г. Боннэр, Г. С. Дозмарова. М., 1991.
14. Сахаров Андрей Воспоминания. // Нью-Йорк, 1990; Знамя. 1990. № 10—12; 1991. № 1—5.
15. Сахаров Андрей. Горький, Москва, далее везде. Нью-Йорк, 1990; Знамя. 1991. № 9, 10.
16. Грин М., Шварц Дж., Виттен Э. Теория суперструн. М., 1990.
17. Альтшулер Б. Л. О научных трудах А. Д. Сахарова // УФН. 1991. Т. 161. Вып. 5. С. 3—24.
18. Кейзеров Н. Чьи деньги в горящем банке? // Известия. 1990. 20 нояб. С. 3.
19. Сахаров А. Д. Тревога и надежда / Сост. Е. Боннэр. М., 1990.
20. Боннэр Е. Г. Постскрипtum. Книга о Горьковской ссылке. Париж, 1988; М., 1990.
21. Альтшулер Б. Л. ...По ту сторону окна // Альманах «Апрель». 1991. Вып. 3. С. 229—255.
22. Левин М. Л. Прогулки с Пушкиным // Звезда. 1991. № 12. С. 116—135.

* Невозможно понять Сахарова, если не знать, какое значение для него имел А. С. Пушкин. См. об этом [22].

ЛАНДАУ И САХАРОВ В «РАЗРАБОТКАХ» КГБ

Ученый и власть

В социальной истории нашей науки 90-е гг. будут, несомненно, важнейшим периодом серьезного переосмысления многих казавшихся ранее бесспорными истин и фактов, периодом заполнения правдой белых и черных «пятен» на многоцветных одеждах, которые носила такая сложная и противоречивая субстанция, именовавшаяся советской наукой.

Наряду с общими социальными, политическими, мировоззренческими изменениями в значительной мере это связано с тем, что после событий 1991 г. историк науки получил возможность знакомства со многими документальными источниками, ранее недоступными для изучения.

Работая в фондах открывшегося чуть более года тому назад Центра хранения современной документации над проблемами формирования государственной научной политики, я обнаружил в материалах отдела науки и учебных заведений бывшего ЦК КПСС, а также других партийно-государственных структур различные документы, позволяющие нам по-новому взглянуть на систему управления наукой. Многие десятилетия подавляющее большинство таких документов носило гриф «секретно» или «совершенно секретно».

В принципе, научная общественность давно знала, где и как принимались решения, имевшие определяющее значение для судеб науки в целом и тем более для судеб отдельных ее представителей. Однако когда удастся посмотреть на все происходившее с иной точки зрения, опираясь на новые документальные свидетельства, сделать хотя бы предварительную их классификацию, уже можно говорить более конкретно об основных ранее скрытых линиях связей в системе «наука и власть».

Если судить о документах, показывающих деятельность отдела науки и учебных заведений ЦК, то они свидетельствуют о том, что главным образом объектом внимания этого органа была Академия наук СССР. А главным субъектом, с помощью которого осуществлялось воздействие на науку, на научное сообщество, были научные кадры. Под тотальным контролем находились назначение на номенклатурные должности, академические выборы, заграничные командировки, проведение научных мероприятий, принятие решений о членстве в международных научных организациях и т. д. У высших партийных структур испрашивалось согласие на прием нашими учеными иностранных наград, получение почетных степеней и званий, присваиваемых зарубежными академиями, университетами и др.

Документов, характеризующих содержательную сторону научной деятельности, в этих фондах практически нет. Зато есть материалы, иллюстрирующие, как, помимо всего прочего, партийно-государственная система осуществляла жесткий надзор за работой и личной жизнью некоторых ученых. Чем крупнее был ученый, чем более независимы были его суждения и действия, тем более пристальное внимание уделяли ему директивные органы и спецслужбы системы.

Ниже публикуются два документа (первый полностью, второй фрагментарно), касающиеся выдающихся ученых-физиков, вклад которых в мировую науку общепризнан, — Л. Д. Ландау и А. Д. Сахарова. Они готовились в разных общественно-политических условиях, на различных этапах развития государственной системы. Однако в отношениях властных структур к личности ученого, судя по ним, ничего не менялось, и спецслужбы пользовались одними и теми же методами, демонстрируя полное пренебрежение системы к правам человека, человеческому достоинству, чести и совести.

Оба документа подготовлены КГБ для ЦК КПСС.

«Справка по материалам на академика Ландау»* является краткой выборкой компрометирующих его сведений из многотомного дела, которое велось много лет. Пока еще не ясно, с какой целью заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС В. А. Кириллин запросил ее в то время. Документ был рассекречен в 1992 г. в связи с подготовкой к процессу по делу КПСС, слушавшемуся в Конституционном суде Российской Федерации, и вошел в так называемую «Коллекцию» (фонд 89, перечень 18, документ 42).

Материал настолько красноречив, что вряд ли нуждается в подробном комментарии. Но ряд соображений все-таки необходимо, на мой взгляд, высказать.

Прежде всего следует отметить, как сделал это и автор публикации в «Комсомольской правде» И. Сичка, что справка была подготовлена в начале хрущевской «оттепели». Тогда Л. Д. Ландау —

* Частично документ впервые был опубликован газетой «Комсомольская правда» 8 августа 1992 г.

уже всемирно признанный авторитет, что вынуждены констатировать и составители справки: «он, по их данным, «является весьма крупным ученым в области теоретической физики с мировым именем, способным, по мнению многих специалистов, к новым открытиям в науке». Ему присвоено звание Героя Социалистического Труда (1954), он трижды лауреат Государственной премии (1946, 1949, 1953), член ряда зарубежных академий, автор фундаментальных открытий. Однако все это не ограждает его от тотальной слежки. Ландау, судя по документу, окружен осведомителями; в местах его пребывания — на работе, дома, в автомобиле — активно используются подслушивающие устройства. Собирается вся информация о высказываниях, деловых встречах, дружеских контактах; спецслужбы вторгаются и в личную жизнь ученого, стремясь получить любые компрометирующие его данные. Сведения в справке подобраны так, чтобы представить Ландау злейшим врагом советской власти. Главная забота спецслужб — ни при каких условиях не допустить его выезда за рубеж и убедить в этом директивные органы. Подчеркивая нежелание Ландау участвовать в работах по так называемой спецтеematике, составители справки исподволь внушают мысль о снижении для системы его значимости как ученого.

Трудно представить, что после трагедии 1939 г., когда Л. Д. Ландау только с помощью П. Л. Капицы удалось вырваться из рук НКВД, он мог высказывать свои взгляды на политические события и режим первому встречному. Значит, его предавали и некоторые люди из ближайшего окружения.

Для специалиста в области социальной психологии науки может стать предметом интереснейшего исследования процесс формирования психологического климата в окружении Ландау под влиянием глубоко законспирированных спецслужб, когда вступали во взаимодействие такие разноречивые факторы, как характер Ландау-лидера и интеллектуальный уровень микросообщества, высокая нравственность большинства и моральное падение тех, кто сотрудничал добровольно, и тех, кто был сломлен и вынужден становиться агентом, причем агентом, являвшимся не абстрактным «идейным» борцом, а человеком, непосредственно включенным в жизнедеятельность такого специфического научного коллектива, каким был Институт физических проблем АН СССР, где выполнение обязанностей агента требовало от сотрудника полной моральной деградации. Все самые темные стороны человеческой природы вовлекались в службу системе: зависть и ущемленное самолюбие, страх и мстительность, вероломство и лесть.

Необходимо подчеркнуть, что собираемая с помощью осведомителей информация не может в принципе рассматриваться как сколько-нибудь объективная. Даже при условии перепроверок она, несомненно, несет на себе отпечаток межличностных отношений, отсутствия у осведомителей моральных ограничений, предвзятости в ее интерпретации и у «передатчиков», и у «приемников». Это касается и самой справки, отбор данных в которую целиком зависел от целей и желаний авторов, а может, и пожеланий заказчиков. Советская система допускала фабрикацию любых сведений. Поэтому исследуя вопросы реабилитации безвинно пострадавших ученых, пользуясь материалами ранее секретных архивных фондов, на мой взгляд, необходимо учитывать и эти соображения. Во всяком случае, по справке можно достоверно судить лишь о методах деятельности спецслужб, а не о том, что и как в действительности говорил и делал Ландау.

Эта справка дает основание по-новому посмотреть на обстоятельства автомобильной катастрофы в январе 1962 г. Даже если в архивах и не будет найдено никаких данных о причастности к ней спецслужб, тем не менее можно предположить, что ее исход был наиболее желателен для системы в ее противостоянии с Ученым. Если бы автокатастрофы не было, «проблема Ландау», по всей вероятности, приобрела бы для директивных органов еще большую остроту и потребовала бы какого-либо разрешения.

По-новому следует посмотреть и на факт присуждения Ландау в апреле 1962 г. Ленинской премии. Вряд ли за прошедшие после написания справки пять лет он «исправился». А присуждать премию такому последовательному противнику системы, называвшему ее фашистской, предрекавшему ей гибель, тем самым усиливая его позиции и возможности, вряд ли для властей предрекавшему целесообразным — тем более Ленинскую премию, поскольку, судя по справке, было известно, что Ландау называл Ленина первым фашистом. Какую роль сыграла тут автокатастрофа, сделавшая ученого неспособным к активной деятельности, а какую — выдвижение на Нобелевскую премию (присуждена в ноябре 1962 г.)? Какое значение в этом имел рост международного авторитета Ландау, избранного в 1959 г. членом Британского физического общества, а в 1960 г. — членом Британского королевского общества, Национальной академии наук США, Американской академии наук и искусств; награжденного медалью имени Макса Планка (ФРГ) и многими международными премиями? Во всяком случае, несомненно, что для системы это было вынужденное решение. Существовали, видимо, какие-то очень важные причины, чтобы присуждение премии состоялось. Вероятно, в исследованиях на тему «Ученый и власть» вопрос «Л. Д. Ландау» еще не скоро будет исчерпан.

Второй документ — «Запись фрагментов беседы академика Сахарова» и сопроводительное письмо на имя М. С. Горбачева, Генерального секретаря ЦК КПСС («Коллекция», фонд 89, перечень 18, документ 114).

Уровень адресата — первое лицо в государстве — говорит о том значении, которое придавалось деятельности А. Д. Сахарова. Вообще надо сказать, что фамилия А. Д. Сахарова очень часто встречается в документах отдела науки и секретариата ЦК КПСС. Копии его обращений, высказываний, материалы международных организаций, касающиеся его деятельности, немедленно докладываются в ЦК. Это и справки Минздрава СССР в связи с защитой Сахаровым жер в психиатрии (1971); и доклад посольства СССР в ГДР об интервью Сахарова первой программе телевидения ФРГ по поводу присуждения ему Нобелевской премии мира* (1975); и информация АН СССР «о кампании по привлечению международных организаций к празднованию 60-летия Сахарова в США» и о контрмерах, принятых представителями АН СССР на заседании Исполнительного бюро Международного совета научных союзов (1981); и записка вместе с проектами указов Верховного Совета СССР «о лишении Сахарова государственных наград» (1980), и многое другое.

Большой интерес для историков науки представляют документы, которые касаются других лиц, но в которых упоминается фамилия Сахаров. Так, в секретном письме председателя КГБ Андропова в ЦК КПСС от 4 августа 1968 г. за № 2095-А** читаем: «Комитетом госбезопасности оперативным путем получен новый вариант рукописи МЕДВЕДЕВА Р. А. „Перед судом истории“ (фотокопия прилагается). МЕДВЕДЕВ дополнил рукопись материалами о репрессированных в прошлом ученых-физиках с анализом их научных возможностей, школ, которые они представляли в науке, и тех идей, которые не были осуществлены ими.

Указанные данные МЕДВЕДЕВ получил от академика САХАРОВА, с которым в настоящее время находится в близких отношениях***.

В этом же письме говорится о получении Медведевым от Сахарова исправленного экземпляра его статьи «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» и о реакции на нее Медведева.

Уже в конце 60-х гг. А. Д. Сахаров воспринимается системой как ее главный оппонент, с которым не так просто сладить из-за его большого международного авторитета. А ведь в свое время он, как и Ландау, был отмечен высшими наградами. Ему трижды присваивалось звание Героя Социалистического Труда (1953, 1956, 1962). Он был лауреатом Государственной (1953) и Ленинской (1956) премий. Это еще один пример того, как в борьбе с инакомыслием уже в послесталинские времена система использовала в широком диапазоне метод «кнута и пряника» — от присуждения высших государственных наград до ссылки, тюрьмы, психиатрической больницы.

В 1987 г. Сахаров, хотя и лишенный наград, но уже возвращенный из горьковской ссылки, занимается активной общественной деятельностью ради радикальной перестройки системы. И естественно, он по-прежнему находится под ее неослабным надзором. Помимо прочего (методы получения информации, отношение к личности поднадзорного), эти два документа роднит опасение спецслужб относительно возможного выезда ученого за рубеж, откуда он получает много приглашений. Главная «причина» отказа Сахарову, как и в случае с Ландау, — осведомленность о государственных секретах, связанных с атомной проблемой. Конечно, это был повод, а не причина. Причина — неблагонадежность ученого с точки зрения государства. Из текста заявления Сахарова, хотя и подслушанного, возникает его привычный образ, образ человека, на первый план ставившего интересы дела, которому он служил.

Сейчас мы только приоткрываем завесу над многими тайнами взаимоотношений ученого и властных структур. Раскрытие этих тайн важно нам для понимания одного из самых интересных парадоксов XX в.: достижение такого высокого уровня развития науки во многих направлениях, в частности в физике, и формирование таких выдающихся ученых, как Ландау и Сахаров, в условиях тоталитарного государства, условиях несвободы. Какую роль при этом сыграли милитаризованная экономика и военно-промышленный комплекс, располагавший в годы противостояния двух лагерей практически неограниченными финансовыми и ресурсными возможностями? Что потеряла наша наука из-за преследований и гибели в застенках НКВД многих замечательных исследователей? Какого уровня удалось бы ей достичь, если бы она развивалась в изначально присущих науке условиях свободы творчества и уважения к личности ее представителей? На эти и другие вопросы нам еще предстоит ответить.

Ю. И. Кривонос

* «Перевод [интервью] на русский язык сделан по материалам радиоперехвата, полученным в ЦК СЕПГ» (Из письма посла СССР в ГДР).

** «Коллекция», фонд 89, перечень 17, документ 49.

*** Об отношениях А. Д. Сахарова с Р. А. Медведевым см. с. 93 в: Сахаров А. Воспоминания // Знамя. 1990. № 12. С. 33—96.

Копия

Совершенно секретно
Экз. № 2

ЦК КПСС

тов. КИРИЛЛИНУ В. А.
Лично*20 декабря 1957 г.
2563-с

По Вашей просьбе направляется справка по материалам на академика ЛАНДАУ Л. Д.
Приложение на 16 листах.

Председатель Комитета госбезопасности
(И. СЕРОВ)

Совершенно секретно

Справка

по материалам на академика ЛАНДАУ Льва Давыдовича

ЛАНДАУ Л. Д., 1908 года рождения, уроженец гор. Баку, еврей, беспартийный, заведующий теоретическим отделом Института физических проблем Академии наук СССР.

ЛАНДАУ родился в семье инженера. Отец его в 1930 году арестовывался за вредительство, о чем ЛАНДАУ скрывает. В 1939 году ЛАНДАУ Л. Д. арестовывался НКВД СССР за участие в антисоветской группе, но был освобожден как видный ученый в области теоретической физики.

ЛАНДАУ является весьма крупным ученым в области теоретической физики с мировым именем, способным, по мнению многих специалистов, к новым открытиям в науке. Однако его научная и особенно практическая работа сводится главным образом к выполнению конкретных заданий, которые он выполняет добросовестно.

По своим политическим взглядам на протяжении многих лет он представляет из себя определенно антисоветски настроенного человека, враждебно относящегося ко всей советской действительности и пребывающего, по его заявлению, на положении «ученого раба».

В этом отношении Комитет госбезопасности располагает сообщениями многих агентов из его окружения и данными оперативной техники. Так, положение советской науки ЛАНДАУ в 1947 году определял следующим образом:

«У нас наука окончательно проституирована и в большей степени, чем за границей, там все-таки есть какая-то свобода ученых. Подлость — преимущество не только ученых, но и критиков, литературоведов, корреспондентов газет и журналов, это проститутки и ничтожества. Им платят, и они поэтому делают что прикажут свыше».

В другой беседе он говорил:

«...науку у нас не понимают и не любят, что, впрочем, и неудивительно, так как ею руководят слесари, плотники, столяры. Нет простора научной индивидуальности. Направления в работе диктуют сверху...»

«...Патриотическая линия принесет нашей науке вред. Мы еще более отгораживаемся от ученых Запада и отрываемся от передовых ученых и техников».

В 1948 году один из агентов по поводу разговора с ЛАНДАУ сообщал следующее:

* Приписка от руки.

«...ЛАНДАУ считает, что США самая благотворительная страна. Как-то он прочел в газетах, что какой-то американский ученый, по национальности, кажется, чех, высказал желание уехать в СССР: „Ну и дурак! — сказал ЛАНДАУ. — Как бы я хотел с ним поменяться“».

ЛАНДАУ систематически отрицает приоритет русской и советской науки во многих областях, о чем неоднократно высказывался среди своего окружения. Его отношение к отечественной науке характеризуется следующим заявлением:

«Я интернационалист, но меня называют космополитом. Я не разделяю науку на советскую и зарубежную. Мне совершенно безразлично, кто сделал то или иное открытие. Поэтому я не могу принять участие в том утрированном подчеркивании приоритета советской и русской науки, которое сейчас проводится».

ЛАНДАУ группирует вокруг себя ряд физиков-теоретиков из числа антисоветски, националистически настроенных ученых еврейской национальности. К этой группе лиц относятся ученики так называемой «новой школы Ландау»: ЛИФШИЦ Е. М., МЕЙМАН Н. С. и другие.

ЛАНДАУ организовал и возглавил семинар физиков-теоретиков при Институте физических проблем, который посещают главным образом лица еврейской национальности, тесно связанные с ЛАНДАУ. Было время (1951, 1952 гг.), когда на этот семинар научные работники не из его окружения просто не допускались.

В июле-сентябре 1953 года, по донесениям агентуры, ЛАНДАУ допускал клеветнические высказывания в адрес руководителей партии и правительства по поводу разоблачения враждебной деятельности Берия. Впоследствии ЛАНДАУ в беседе с другим агентом сказал, что его мнение по этому вопросу было неправильным.

С октября 1953 года агентурой отмечались положительные высказывания ЛАНДАУ о политике КПСС и советского правительства внутри страны и за границей. Однако и в этих случаях он утверждал, что такую политику советское правительство якобы было вынуждено проводить, иначе Запад не поверил бы нашим мирным намерениям.

Оценивая происшедшие события, ЛАНДАУ резко осуждал англо-французскую агрессию в Египте и политику государства Израиль в этом вопросе. Он заявил:

«Насколько египтяне вызывают восхищение, настолько израильтяне являются гнусными, подлыми холоуями. Все мое сочувствие на стороне египтян полностью... Израильтяне меня возмущают. Я как безродный космополит питаю к ним полнейшее отвращение».

Оценки нашей внешней политики в этом вопросе он не давал.

Однако не все из его окружения придерживаются такой точки зрения. ЛАНДАУ известны не только отдельные люди, высказывающие ему националистические настроения, но и, видимо, группа лиц. Об этом свидетельствует его разговор 3 ноября 1956 года с профессором МЕЙМАНОМ Н. С., когда в ответ на националистические высказывания последнего ЛАНДАУ ему заявил:

«...ты выступаешь в защиту империализма... ты попал в ужасную компанию, в ужасную компанию попал... ты до такой степени ослеп от национализма, что не понимаешь таких вещей... ты находишься в компании непорядочных людей, как тебя это не ужасает...»

Тем не менее сам ЛАНДАУ продолжает систематически встречаться с МЕЙМАНОМ и делится с ним своими антисоветскими настроениями.

Совершенно иначе ЛАНДАУ высказывается о событиях в Венгрии. Отождествляя мятежников с венгерским народом и рабочим классом, происходящие события в Венгрии он характеризует как «венгерскую революцию», как «очень хорошее, отрадное событие», где «народ-богатырь» сражается за свободу.

«...венгерская революция — это значит практически весь народ, восставший против своих поработителей, т. е. против небольшой венгерской клики, а в основном против нашей. ...Настоящие потомки великих революционеров всех времен... То, что они сейчас проявили, это заслуживает позаимствования. Вот перед Венгрией я готов встать на колени».

В разговоре 1 ноября 1956 года у себя дома с неизвестным на вопрос последнего, что и Кауцецкий болтал, что сейчас будет такая же заварушка в Чехословакии, ЛАНДАУ ответил:

«...это очень хорошо, по-моему».

Говоря о политике советского правительства в этом вопросе, он заявил:

«Наши решили забрызгать себя кровью. ...У нас это преступники, управляющие страной. ...Кадар — некий соцпредатель. ...Он вообще как марионетка сейчас. Наши поручили, и он сидит».

12 ноября 1956 года в разговоре у себя на квартире о наших действиях в Венгрии и на вопрос собеседника, что «если бы Ленин встал, у него бы волосы встали», ЛАНДАУ ответил:

«Но, с другой стороны, у Ленина тоже было рыльце в пуху. Вспомним Кронштадтское восстание. Грязная история. Тоже рабочий класс Петрограда и моряки из Кронштадта восстали. У них были самые демократические требования, и они получили пули... Фашистская система.

...Первое, что было сделано еще в октябре 1917 года, — в течение нескольких месяцев произошла передача власти. Она была полностью передана в руки партийного аппарата. Была немедленно дана установка партии: грабь награбленное и бери себе. Ими все было сделано по науке.

...Это не ошибка, в этом была идея. На этом была сделана революция».

На вопрос: «Значит, эта вся идея порочна?» — ЛАНДАУ ответил: «Конечно».

Ранее Ландау привлекался к выполнению очень важных работ по заданию Министерства среднего машиностроения. Вместе с этим еще в 1952 году он был занят мыслью сделать как можно меньше. Об этом ЛАНДАУ тогда заявил:

«Разумный человек должен стараться держаться как можно дальше от практической деятельности такого рода. Надо употребить все силы, чтобы не войти в гущу атомных дел. В то же время всякий отказ и самоустранение от таких дел должны делаться очень осторожно».

ЛАНДАУ считает, что «целью умного человека, желающего, елико возможно, счастливо прожить свою жизнь, является максимальное самоотстранение от задач, которые ставит перед собой государство, тем более советское, которое построено на угнетении».

Подобного рода рассуждения неоднократно фиксировались несколькими агентами. Они имели место и в январе 1953 года, когда ЛАНДАУ одному из своих близких людей, ученому, сказал:

«Если бы не 5-й пункт (национальность), я не занимался бы спецработой, а только наукой, от которой я сейчас отстаю. Спецработа, которую я веду, дает мне в руки какую-то силу... Но отсюда далеко до того, чтобы я трудился „на благо Родины“ и пр., что сквозило в твоих письмах ко мне. Такие письма ты можешь писать в ЦК, а меня избавь от этого. Ты знаешь, что мне все равно, на каком месте стоит советская физика: на первом или десятом. Я низведен до уровня „ученого раба“, и это все определяет... Ты призван поставить советскую физику на первое место в мире. Я тебе здесь не помощник».

Такого же мнения он придерживается и в последующие годы.

По этому вопросу один из агентов 9 апреля 1955 года сообщил:

«В конце марта ЛАНДАУ был вызван вместе с ГИНЗБУРГОМ к ЗАВЕНЯГИНУ по поводу спецдеятельности. В разговоре с источником ЛАНДАУ высказался очень резко в адрес ЗЕЛЬДОВИЧА, „от которого идут всякие пакости“. ЛАНДАУ сказал источнику, что он ни за что не согласится опять заниматься спецделами и что ему неприятно вести об этом разговор. По дороге в министерство ЛАНДАУ предупредил ГИНЗБУРГА, чтобы он не вздумал заявить о том, что ЛАНДАУ ему нужен для предстоящей работы. ЛАНДАУ рассказывал источнику после, что министр принял его весьма вежливо и любезно и держался очень хорошо. ЛАНДАУ быстро убедил присутствующих в том, что ему не следует заниматься спецработой, но, как он сам выразился, не мог отказаться от предложения изредка разговаривать по этим вопросам. „На самом же деле, конечно, никаких разговоров и не будет“, — сказал ЛАНДАУ».

Намерение ЛАНДАУ отойти от участия в работах по спецтематике, в частности, связано с его стремлением, особенно в последнее время, получить возможность выехать за границу.

Так, в мае месяце с. г. на конференцию по физике частиц высоких энергий в г. Москву приезжал американский физик ВАЙСКОПФ, который специально обсуждал с окружением ЛАНДАУ меры, которые следовало бы предпринять за границей, чтобы ЛАНДАУ мог поехать в Америку. В одну из личных встреч с ВАЙСКОПФОМ ЛАНДАУ, не будучи никем на это уполномочен, передал ВАЙСКОПФУ список советских ученых, которых, по его мнению, следует пригласить в Америку. В этот список он включил себя, ЛИФШИЦА Е. М., ТАММА И. Е., ГИНЗБУРГА В. Л. и др., непосредственно участвовавших в особо секретных работах по линии Министерства среднего машиностроения. При этом ЛАНДАУ, давая на них характеристики и рассказывая, кто чем занимался, заявил ВАЙСКОПФУ, что ТАММ И. Е. занимался расчетами по атомной и водородной бомбе*, принимал участие в этих работах и он, но в меньшей степени. Такое поведение ЛАНДАУ дало возможность американцам пытаться навязать Академии наук свое мнение при подборе советских ученых для участия в меж-

* Эти слова в машинописном тексте вписаны от руки, видимо, как особо секретные.

дународных конференциях. В настоящее время американские и различные научные учреждения других капиталистических стран присылают массу персональных приглашений ЛАНДАУ и другим лицам из числа, главным образом, его окружения.

Намерение ЛАНДАУ выехать за границу, по данным агентуры и оперативной техники, усиленно подогревается его окружением, в частности, профессором ЛИФШИЦЕМ Е. М. Так, 30 сентября 1956 года между ЛАНДАУ и ЛИФШИЦЕМ состоялся разговор о поездке за границу (записан по техническим причинам неполностью), во время которого ЛИФШИЦ уговаривал ЛАНДАУ написать письмо тов. Хрущеву*, заявляя:

«И тем не менее я считаю, что нам там жилось бы лучше... но в материальном отношении тоже лучше будет...»

7 октября 1956 года ЛИФШИЦ заявил ЛАНДАУ:

«...вот не пускают тебя и меня, по-видимому, потому, что боятся, что останутся. Я не думаю, чтобы в отношении меня такое было... Они считают, что я плохой физик... Я, между прочим, думаю, честно говоря, что, если бы я уехал и остался, были бы рады, что вот можно было бы какой шум поднять из этого. С одной стороны, не жалко, а с другой — какой шум».

ЛАНДАУ и ЛИФШИЦ неоднократно и в последующем вели разговоры на эту тему. Так, 8 марта 1957 года между ними состоялся следующий разговор:

ЛИФШИЦ: — Они боятся, что ты останешься... Ведь так ясно, что ты можешь устроиться, что называется, с легкостью необычайной в любом месте земного шара, ясно!

ЛАНДАУ: — Я бы мог устроиться, конечно.

ЛИФШИЦ: — Я убежден, что ты мог бы устроиться в любой стране.

ЛАНДАУ: — Во многих странах, но не в любой... Конечно, ты был прав, сказав, что устроенный сейчас шум мешает мне уехать, потому что увеличит мою рекламу, увеличит опасность того, что я останусь.

13 марта с. г. в разговоре с ним на эту же тему ЛИФШИЦ заявил:

«...а тебя, конечно, не только потому, что ты хочешь остаться, потому что никто из них не думает, что ты хочешь остаться. То, что ты думаешь, им даже в голову не приходит».

Один из наиболее близких лиц к ЛАНДАУ по вопросу его поездки за границу в 1957 году сообщил:

«...было бы неосторожным разрешить ЛАНДАУ выехать за границу, поскольку нельзя быть уверенным, что он вернется. Он, безусловно, не привязан к семье, а привязанность к сыну не производит впечатления глубокой привязанности отца. Он мало с ним общается, а больше думает о своих любовницах, чем о сыне... Обстоятельства, в которых он жил последние двадцать лет, и окружение, которое он себе создал, укрепили и развили в нем характерные для него всегда черты индивидуализма и сознание своей непогрешимости. Поэтому в случае выезда за границу он будет вести себя и выступать только с точки зрения своих личных интересов, вкусов и ощущений».

4 февраля 1957 года в разговоре о том, что они, по-видимому, на конференцию в Англию не поедут, а поедет кто-то другой, ЛИФШИЦ советовал ЛАНДАУ сообщить об этом англичанам и спросить их, хотели ли они этого.

12 февраля с. г. ЛАНДАУ написал в Англию письмо, в котором указал:

«...я сомневаюсь, смогут ли многие из упомянутых Вами лиц, особенно теоретики, приехать... я думаю, что Вы или профессор Монд непосредственно свяжитесь с академией».

ЛАНДАУ подавляющее время находится дома, регулярно слушает передачи заграничного радио и, принимая у себя многочисленных посетителей, передает их антисоветское содержание. Основная масса разговоров его сводится к пересказам антисоветских передач и циничному обсуждению интимных отношений с различными женщинами. Так, 11 ноября 1956 года ЛАНДАУ посетила неизвестная, и на вопрос о зверствах мятежников в Венгрии ЛАНДАУ ей рассказал:

«...еще не было случая в революции, чтобы революционеры творили зверства. Кого убивали, так это эмгешников. Они даже в плен сдавались, чтобы сохранить себе жизнь. У нас писали, что вытащили из дома какого-то раненого офицера и убили. Оказывается, что дело было так: в одном доме засели четыре эмгешника и стали стрелять из автоматов по выступавшим, убили 60 человек. Вот до них и добрались... Потом на какой-то площади наши танки обстреляли толпу и убили 600 человек... Революция — это благородное дело, масса детишек борется на бар-

* Вписано от руки.

рикадах от 13 до 16 лет. Студенты выступают... Героизм венгерский заслуживает преклонения».

Через агентуру и технику установлено, что ЛАНДАУ считает себя «свободомыслящим» человеком, имеющим свои взгляды по вопросам внешней политики нашего правительства. Так, например, 1 декабря 1956 года, сравнивая себя с другими учеными, ЛАНДАУ заявил:

«Я свободомыслящий человек, а они жалкие холуи... и прежде всего чувствую свое превосходство».

Давая антисоветскую оценку действий советского государства, ЛАНДАУ выступает с резкой клеветой в адрес руководителей партии и правительства.

30 ноября 1956 года ЛАНДАУ, касаясь членов правительства, говорил:

«Ну как можно верить ему? Кому, палачам верить? Вообще это позорно... Палачи же, гнусные палачи...»

В другом разговоре он сказал:

«Наши в крови буквально по пояс. То, что сделали венгры, это считаю величайшим достижением. Они первые разбили, по-настоящему нанесли потрясающий удар по иезуитской идее в наше время. Потрясающий удар!»

ЛАНДАУ считает, что со времени Октябрьской революции в СССР постепенно формировалось фашистское государство. Так, 20 ноября 1956 года ЛАНДАУ в разговоре с харьковским ученым И. М. ЛИФШИЦЕМ говорил:

«И вот тут-то большевистская партия пошла на оформление... В какой-то степени это неизбежно было. Это была идея создания фашистского государства, т. е. люди, которые делают революцию, чтобы они получили за это в качестве оплаты управление государством. Это был лозунг, который был реальным и который имел грандиознейший успех. Причем он имел социалистическую часть: сбросить буржуазию и строить социализм. Но он имел и фашистскую часть, этот лозунг: взять государство в свои руки».

Позднее, 30 ноября 1956 года, по этому вопросу ЛАНДАУ высказался так:

«Идея, которая лежит в основе компартии, — иезуитская идея. Это идея послушания начальству. Типичная, как и вся история иезуитского ордена».

12 января с. г. в разговоре с членом-корреспондентом АН СССР ШАЛЬНИКОВЫМ ЛАНДАУ заявил:

«Я должен тебе сказать, что я считаю, что наша система, как я ее знаю с 1937 года, совершенно определенно есть фашистская система и она такой осталась и измениться так просто не может. Поэтому вопрос стоит о двух вещах. Во-первых, о том, в какой мере внутри этой фашистской системы могут быть улучшения... Во-вторых, я считаю, что эта система будет все время расшатываться. Я считаю, что, пока эта система существует, питать надежды на то, что она приведет к чему-то приличному, никогда нельзя было, вообще это даже смешно. Я на это не рассчитываю».

В разговоре на эту тему с профессором МЕЙМАНОМ ЛАНДАУ сказал:

«То, что Ленин был первым фашистом, — это ясно».

Отрицая наличие у нас социалистической системы, он в мае с. г. говорил:

«Наша система — это диктатура класса чиновников, класса бюрократов. Я отвергаю, что наша система является социалистической, потому что средства производства принадлежат никак не народу, а бюрократу».

По сообщению одного из агентов, являющегося приближенным для него лицом, ЛАНДАУ считает, что успех демократии будет одержан лишь тогда, когда класс бюрократии (класс Дроздовых) будет низвергнут. В разговоре об этом он достал и читал с драматической дрожью в голосе текст выступления писателя Паустовского на собрании писателей, посвященном обсуждению романа Дудинцева. ЛАНДАУ восхищался силой и храбростью выступления и сказал:

«Мы с вами трусливы и не нашли бы в себе духа вlepить „Дроздовым“ такую звонкую пощечину».

26 января с. г. в разговоре с тем же агентом ЛАНДАУ заявил:

«...подумайте сами. Сейчас вообще открылась возможность, которой я вообще не представлял себе, — возможность революции в стране как возможность. Еще год назад казалось, что думать у нас о революции смехотворно, но это не смехотворно. Она произойдет, это не абсурд».

ЛАНДАУ считает, что в Советском Союзе «создавшееся положение» долго продолжаться не может, и в связи с этим высказывает несколько предположений о том, какими путями может пойти ликвидация советской системы. В частности, 1 декабря 1956 года ЛАНДАУ заявил:

«Сейчас ясно, что совершится военный переворот. Это вполне реальное дело сейчас при такой малой популярности правительства и ненависти народа к правящему классу».

Тогда же он говорил:

«Если наша система мирным способом не может рухнуть, то третья мировая война неизбежна со всеми ужасами, которые при этом предстоят. Так что вопрос о мирной ликвидации нашей системы есть вопрос судьбы человечества по существу».

Как зафиксировано оперативной техникой, в разговорах с учеными, которые его ежедневно посещают, ЛАНДАУ неоднократно высказывался в разных вариантах о своих домыслах относительно неизбежности ликвидации советской системы. Так, 4 декабря 1956 года в беседе с членом-корреспондентом АН СССР ШАЛЬНИКОВЫМ ЛАНДАУ говорил:

«Я считаю так: если наша система ликвидируется без войны — неважно, революцией или эволюцией, это безразлично, — то войны вообще не будет. Без фашизма нет войны».

23 января с. г. в разговоре с одной из приближенных к нему женщин ЛАНДАУ заявил:

«Наши есть фашисты с головы до ног. Они могут быть более либеральными, менее либеральными, но фашистские идеи у них. Но что я считаю чудесно, это что вот иезуитский миф гибнет».

И далее.

Женщина: — Я не вижу пути свержения власти.

ЛАНДАУ: — Очень трудно дать пример. Я считаю, что сейчас у нас, по-видимому, нет подходящих генералов совершить военный переворот. Это очень легкое дело, абсолютно, сравнительно легкое.

Женщина: — Но будет ли это хорошо?

ЛАНДАУ: — По-моему, да...

В личной жизни ЛАНДАУ нечистоплотен, проявляет себя как человек, чуждый советской морали и нормальным условиям жизни советской семьи. Имея семью, он сожигает со многими женщинами, периодически меняя их. Одновременно он поощрительно относится к аналогичному поведению своей жены: читает ей письма от своих любовниц и обсуждает ее интимные связи, показывает ей новых лиц, могущих быть ее любовниками.

Начальник 1 спец. отдела Комитета государственной безопасности
при Совете Министров Союза ССР
(Иванов)

19 декабря 1957 года

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Направляю Вам запись фрагментов беседы академика Сахарова А. Д. с американскими учеными Джереми Стоуном и Фрэнком фон Хиппелем, полученную оперативным путем.

19.06.87

С глубоким уважением
В. Чебриков

Запись фрагментов беседы академика Сахарова А. Д.
с американскими учеными Джереми Стоуном и Фрэнком фон Хиппелем
(на 12 страницах)

Сахаров: — Я знаю, что была дискуссия, дискуссия о том, нарушает стратегическая инициатива Рейгана договор о противоракетной обороне или не нарушает. Если нарушает, то на каком этапе? Я думаю, что американская сторона всегда признавала, что развертывание, вывод в космос боевой системы — это нарушение договора ПРО.

Стоун: — Федерация американских ученых предложила советской стороне начать разоружение, не думая о «звездных войнах». Стороны должны начать разоружение, даже если они не могут решить вопрос о СОИ. <...>*

Стоун: — Я хочу передать вам письмо от сенатора Эдварда Кеннеди.

Сахаров: — Тут любезное приглашение от Эдварда Кеннеди приехать в США. Это для меня всегда сложный вопрос. У меня есть постоянная позиция по отношению ко всем приглашениям, которые я в последнее время получаю. Представители советских властей неоднократно официально заявляли, что я не имею возможности выезжать из СССР в какие-либо поездки. Я имел отношение к секретным работам. Поэтому я сам не предпринимаю никаких шагов в отношении своего выезда. Я считаю, что для того, чтобы это имело смысл, нужно, чтобы советские власти изменили свою позицию в этом вопросе. Это может произойти в двух случаях: если это нужно властям по их политическим соображениям или если со стороны зарубежных политических деятелей и организаций будет очень мощное давление, которое способствовало бы изменению политики**. В отношении второго я считаю, что тут нужны такие мощные концентрированные усилия, которые уже не соизмеримы с целью. Есть очень много других важных задач в направлении давления на советские власти. Я считаю, что с моей стороны я не могу быть инициатором таких кампаний и добиваться изменений в отношении моей секретности.

Публикация Ю. И. Кривоносова

* Далее обсуждаются вопросы сбалансирования интересов двух сторон при ядерном разоружении.

** Подчеркнуто лицом, читавшим документы.

М. В. Фок

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Военное время

Война застала нас на даче в Малой Ижоре. Мама сразу же перестала пользоваться крупами, запасенными на все лето. (Потом они сослужили хорошую службу моей бабушке и тете Ките, но жизнь им все-таки не спасли.) Отец в это время был в санатории в Кисловодске (или Эссентуках?). Он вернулся в Ленинград и приехал к нам. В августе, когда до нас пассажирские поезда уже не ходили, мы вернулись в Ленинград. Несмотря на частые бомбежки и артобстрел, мама водила нас гулять как всегда большей частью на Неву, папа ходил в университет. Однако прогулки стали много продолжительнее, ибо теперь они совмещались с обедом в Доме ученых, расположенном недалеко от Эрмитажа. Сначала там было мало народу, а потом становилось все больше и больше. Мы брали с собой в портфеле небольшую плоскую кастрюльку и клали туда кое-что для бабушки. Ходили мы на Неву обедать и в день авианалета на Бадаевские продовольственные склады. Назавтра норму хлеба снизили раза в четыре. Иждивенцы, а в нашей семье их было много, стали получать всего по 100 г хлеба в день.

Отец решил, что на ночь нам следует приходить в Физический институт, который располагался на Васильевском острове, там было поспокойнее, и мы два или три раза ходили туда ночевать в лаборатории в полуподвале.

Все это время мы «сидели на чемоданах». Мама сдала в Фонд обороны дорогие старинные серьги (об этом даже написали в газете) и продала другие, чтобы иметь деньги на дорогу. С бабушкой должна была остаться тетя Китя, которая из-за этого отказалась эвакуироваться и была уволена из Геологического института. (Бабушка дороги бы не вынесла и о ее эвакуации речи не было.) Папа, по-видимому, тоже какое-то время отказывался эвакуироваться, а может быть, не успел, потому что был на Кавказе. Во всяком случае, часть университета уже уехала, а мы еще оставались. 17 или 18 сентября отца вызвали в Смольный и сказали, что принято решение об эвакуации его с женой и детьми: «Это приказ и обсуждению не подлежит». Разрешалось взять по чемодану на человека. Утром 19-го должна была прийти машина и отвезти нас на аэродром. Мы надели по два костюма, мама упаковала чемоданы, папа оставил в кабинете высокую стопку своих оттисков и написал сверху: «Труды В. А. Фока». Взрослые, конечно, понимали, что вряд ли они встретятся. Так оно и вышло: из оставшихся пяти человек взрослых пережила войну только моя двоюродная сестра.

В Москве мы прибыли к П. Л. Капице, который дал нам ключи от квартиры одного из эвакуированных сотрудников (кажется, Ландау), где мы и прожили несколько дней до отъезда в Елабугу.

В Казань мы ехали в плацкартном вагоне, почти как в мирное время, только белья и чая не было. В одном вагоне с нами ехал И. Е. Тамм и всю дорогу рассказывал разные смешные случаи и анекдоты. Доехали вполне благополучно и прибыли в Казани дня два-три.

В Елабугу плыли на пароходе, любовались высокими лесистыми берегами Камы. В Елабуге мы разместились сначала в доме, где жил математик Владимир Иванович Смирнов, в комнате, предназначенной для еще не приехавшей семьи Н. А. Толстого (физика, сына писателя А. Н. Толстого). Взрослые (по-моему, главным образом, мама) стали искать постоянное жилье. Квартиру нам предлагали в частных домах, что, конечно, было нежелательно.

На краю города стояло красное здание, выше всех остальных — бывшее Епархиальное училище. В нем поместился филиал Ленинградского университета, потеснив педагогическое училище. А через год в это же здание въехал еще и Воронежский университет.

Наконец в жилотделе нам предложили домик, освобождающийся потому, что занимавший его агроном уезжал куда-то в деревню. Домик был в сущности избой-пятистенкой, только несколько удлиненной и на высоком кирпичном фундаменте. В передней половине стояла изразцовая печь — «голландка», вокруг нее три комнаты, разделенные тонкими перегородками, все про-